

Татьяна И. Подкорытова

Омский государственный педагогический университет

Кафедра культурологии

Философский факультет

пр. Мира 32, Омск, 644050 Россия

culturolog_omgru@.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

БОСЫМЪ ВЛЪКОМЪ В СЛОВЕ О

ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Научная школа, традициям которой следует автор статьи, – исследования по исторической поэтике А. Н. Веселовского, И. Г. Франк-Каменецкого, О. М. Фрейденберг. Методологическим основанием этих исследований является мысль о том, что язык поэзии – это диалектическое единство свободы содержания и необходимости формы, иными словами, представляет собой исторически меняющееся семантическое преобразование исходной мифологической образности. Поэзия производит перевод буквального языка мифа в план иносказания, но первичная, новорожденная метафора еще отчетливо хранит связь со своим мифологическим истоком. Цель статьи – показать, что зафиксированный в XX веке диалектный фразеологизм *босым волком* (*босый* – "белесый, облинявший"), выражающий понятие "быстроты бега", на стадии мифа подразумевал инициационный смысл "обновления", "нового рождения". *Слово о полку Игореве* – памятник XII века, знаменующий собой начало, сам генезис поэтического языка, этот текст демонстрирует пограничное состояние слова – между мифологической буквальностью и поэтической иносказательностью, что и позволяет реконструировать древний смысл фразеологизма. Финальное бегство князя Игоря из плена описывается на языке мифа как ряд зооморфных превращений, в этом ряду метаморфоза *босымъ влъкомъ* непосредственно предшествует уподоблению князя *соколу*, с которым в древнерусской литературе связано понятие ума. Переход от "босого волка" к "соколу" можно прочесть в ракурсе инициации как возрождение князя, призванного быть цивилизатором-просветителем, духовным авторитетом культуры.

Ключевые слова: *возрождение пленника, воины-волки, зооморфные метаморфозы, инициация, князь - культурный герой истории, тотемный культ, ум-сокол*

Выражение *босымъ влъкомъ* в сочетании с глаголами *скочи* и *потече* используется Автором *Слова* при описании бегства князя Игоря из плена: *А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и белымъ гоголемъ на воду, взвръжесе на бръзь комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полете соколомъ подь*

*мъглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обеду, и ужине. Коли Игорь соколомъ полете, тогда Влурь влькомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня!*¹. Долгое время это выражение считалось одним из темных мест из-за неясности определения *босымъ*.

Исследователи тюркской лексики *Слова* предлагали читать *босый* как результат народной русской адаптации тюркского слова *боз* ("серовато-коричневый", цвета степи), являющегося эпитетом "волка" – тотемного животного половцев (Гордлевский, 1947).

Однако В. А. Козыревым было обнаружено в брянских говорах живое бытование фразеологизма *босымъ влькомъ*. По словам информантов, *босый волк* означает "белесый", "облинявший", "сбросивший шерсть" и по этой причине быстро бегущий. Исходя из диалектной семантики, В. А. Козырев точно так же поясняет данное выражение и в *Слове*: "следует иметь в виду специфическую окраску волка после весенней линьки, в результате чего сравнение (*босымъ влькомъ*, т. е. 'быстро, стремительно') приобретает реальный смысл" (Козырев, 1976).

Действительно, не только образ "босымъ влькомъ", но и другие формы Игоревых метаморфоз можно читать в "реальном", то есть переносном смысле. Особенно к этому располагает заключающий весь ряд метаморфоз нарративный комментарий: *Коли Игорь соколомъ полете, тогда Влурь влькомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня* ("загнали они своих борзых коней"). Заключительная фраза представляет собой довольно резкий переход с языка иносказаний на понятийный язык, прямо описывающий реальную ситуацию. Именно эта прозаическая фактография и провоцирует видеть в метаморфическом образе содержание, которое выходит за пределы его буквального значения. В свете понятийного, прямого высказывания мы воспринимаем предыдущие образы как иносказания, тоже подразумевающие реальный смысл. В семантике образов-метаморфоз можно уловить указание и на скорость передвижения, и на особенности пути, и на способы передвижения (*горностаем* - по степи, *белым гоголем* - по воде, *волком* - пешим образом, бегом, *босым волком* - стремительно).

Однако далеко не все в приведенном фрагменте можно читать подобным образом, так, например, сопротивляется иносказательному прочтению образ *полете соколомъ подь мъглами*. Какое реальное действие он может означать? Иносказательный смысл образа не улавливается. Более того, здесь актуализируется именно буквальное уподобление "соколу", ср.: *полете соколомъ подь мъглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обеду, и ужине*. Такой же оттенок буквальности в выражении *тогда Влурь влькомъ потече, труся собою студеную росу*. В ракурсе позднейших поэтик мы бы аттестовали эти случаи как реализацию метафоры. Но в *Слове* ситуация иная: этот текст, и, в частности, приведенный нами фрагмент, демонстрирует пограничное состояние слова – между мифологической буквальностью и поэтической иносказательностью, метафора еще не родилась, она еще не вполне рассталась со своим корнем – мифом, который значит то, что представляет. Мифологически

---

¹ Текст *Слова о полку Игореве* цитируется по изданию: *Памятники литературы Древней Руси (ПлДР). XII век*, Москва, Художественная литература, 1980, стр. 372-387. Подготовка текста и перевод О. В. Творогова. Здесь и далее в цитатах древнерусских текстов буква "ять" заменена на *е*.

буквальный "ореол" сцены Игоровых метаморфоз поддерживается далее в тексте диалогом князя с персонафицированным Донцом.

Кроме того, в структуре образов-метаморфоз лежит творительный падеж, семантическую разновидность которого обычно определяют как творительный уподобления (превращения). Эта семантика была выделена еще Ф. Буслаевым и А. Потебней со ссылкой на "суеверные предания об оборотнях". Потебня специально подчеркивал, что "разница между творительным превращения и сравнения неграмматична, т. е. не формальна, а вещественна", и выявляется лишь в определенном контексте, отражающем действительные верования (Потебня, 1958).

Эти действительные верования можно предполагать и в нашем примере. Иными словами, "реальный" (т. е. сравнительно-переносный) смысл фразеологизма, зафиксированный в XX веке, в веке XII еще не существовал со всей отчетливостью, метаморфоза "босымъ влькомъ" еще тесно связана с семантикой мифа. Попробуем реконструировать мифологический первосмысл этого выражения, опираясь на сам текст *Слова*.

В *Слове* представлен целый ряд "волчьих" метаморфоз. "Волкам" уподобляются половецкие ханы (*Гзакъ бежитъ серымъ влькомъ, Кончакъ ему следъ править къ Дону Великому*), дружинники-куряне князя Всеволода (*сами скачють, акы серии вльци въ поле, ищучи себе чти, а князю славе*). Здесь отражены следы древнего тотемистического отождествления воинов с волками, дружины с волчьей стаей. Покровительство воинам, связь с культом бога войны (например, у римлян – с Марсом, у скандинавов – с Одинем), с культами родоначальника племени, предводителя боевой дружины – одна из функций "волка", известных различным архаическим культурам (Иванов, 1987).

Приведем некоторые примеры. Так, тотемный культ "волка", характерный для кочевых скифских племен, угадывается в предании об обычаях неврав, сообщенном Геродотом, он отмечает, что люди эти, по-видимому, колдуны, *каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик* (Геродот, 1972). Очевидно, памятью о подобном же культе является прозвище одного из воевод князя Владимира Святославовича – "Волчьий Хвост" и поговорка-насмешка над побежденными им радимичами – *пищаньци волчьья хвоста бегаютъ* (ПЛДР, 1978: 262). В *Повести временных лет* обнаруживаются факты воинского "волчьего" тотемизма и у половцев. В рассказе под 1097 г., где подробно описываются междоусобные рати князей, сообщается, что перед битвой с уграми, выступавшими за Святополка, приглашенный его противником Давыдом Игоревичем половецкий хан Боняк ночью испытал такую "волчью" приметку: *и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъеха от вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвъся ему, и начаша волци выти мнози. Бонякъ же прихавъ поведи Давыдови; яко "Победа ны есть на угры завтра"* (ПЛДР, 1978: 98).

Тотемный культ "волка" обусловлен, как можно думать, архаическими представлениями об образцовых воинах-охотниках, главное достоинство которых – быстрота передвижения². Любопытно сходство военной тактики древних скифов и половцев – кочевых "волчьих стай", действующих в разное время на одной степной

² Возможно "быстроногость" гомеровского беспощадного Ахилла – тоже след "волчьей" воинской архаики.

территории. Как персидский царь Дарий, согласно описанию Геродота, выйдя походом на скифов, не может обнаружить их непредсказуемых передвижений, сам же подвергается их внезапным нападениям, особенно в ночное время, точно так же во время похода князя Игоря, половцы *неготовыми дорогами побегоша*, ускользая от него, чтобы затем внезапно окружить его дружину *отъ всехъ странъ* (со всех сторон). Как Дарию, так и князю Игорю кочевая степь навязывает свои законы охоты, а не открытого боя по правилам.

Восприятие архаической "волчьей" природы воина самим Автором *Слова* наиболее ясно отразилось во фрагменте, посвященном Всеславу Полоцкому, виновнику кровавой битвы на Немиге. В небольшом по объему эпизоде "волчьей" метаморфозы Всеслава буквально нагнетаются: *скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ въ плъночи изъ Бела-града, скочи влъкомъ до Немиги, въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тматороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерискаше*. "Рысканье" Всеслава-волка читается как указание на неизжитую его страсть к "набегам", на его "кочевую", т. е. языческую природу, в рассказе о нем подчеркнута именно стремительность его передвижений с места на место: он "рыщет" в разных направлениях без определенной цели, стихийно. Эта "неоседлость" его беспокойной души, в оценке Автора, противоречит должной социальной функции князя-цивилизатора, организующего хаос, особенно это противоречие явственно во фразе: *Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше*. Примечательно, что несоответствие природы князя его социальной миссии (в конечном счете, несовпадение законов природы и истории, охотничьего инстинкта и созидющего разума) воплощается в стилевой двойственности этой фразы: первая часть – историческая информация, почти летописный нарратив (оформленный ритмически), после противительного союза – мифологический язык метаморфоз. О языческих привычках говорится языком мифа. Всеслав, как сказано в *Слове*, действовал *на седьмомъ веце Трояни*, что комментируют обычно как "напоследок языческих времен" (Лихачев, 1985).

В перечне метаморфоз Всеслава используется и перифрастическое замещение волка – *скочи... лутымъ зверемъ*. Перифраза раскрывает нравственную сущность князя и по своему смыслу может быть соотнесена с известной летописной характеристикой Всеслава: *немилостивъ есть на кровьпролитъе* (ПЛДР, 1978: 168-169). Это христианский взгляд на языческого воина-волка.

Особая тема – метаморфозы певца Бояна, в том числе и оборотничество в "волка" (*серымъ влъкомъ по земли, рища въ тропу Трояню чресь поля на горы*). Не разворачивая этой темы, отметим только, что выражение *рища въ тропу Трояню* применительно к певцу-хранителю преданий можно понимать как прославление прошлых воинских подвигов, "тропа Трояня" – путь потомков Трояня, славянских племен. Передвижение по этой "тропе" в образе "волка" объясняется теми же причинами, что и "волчьей" метаморфозы Всеслава Полоцкого и князя Игоря: это "оборачивание" назад, в языческое прошлое народа, уподобление певца воинам-волкам – предмету песни-славы.

Если "волчьей" метаморфозы свойственны в *Слове* языческим силам, то князья-христиане именуется "соколами". Образ вышел из мифа о "соколиной охоте", где с ним связывалась космоизирующая функция. Распознать в "соколиной охоте"

бывший космогонический архетип позволяет свадебный контекст, где жених-сокол = победитель, укрощающий "ретивое" сердце невесты-лебеди, выводящий ее из хтонической стихии в сферу культурного бытия. В зачине *Слова*, воссоздающем образ песнотворца Бояна, "соколы-персты" выступают причиной музыкальной гармонии, пения "лебедей-струн". Кроме того, "соколиная охота" является мифологической матрицей самого сюжета о походе князя Игоря на Половецкую степь = хаотическое пространство языческих сил, и одновременно действия князей-соколов обнаруживают "брачную" подоплеку: *помчаша красныя девкы половецкыя, а съ ними злато, и наволоки, и драгыя оксамиты* (Манн, 1986: 129-137).

Как известно, соколиная охота была реальностью княжеского быта. Заметим, что и реальный, и мифологический статус "соколиной охоты" выше, нежели "волчьей", так как это **организованная охота обученных птиц, служащих** своему хозяину, что и обусловило космогоническую семантику этого образа. Не случайно в *Слове* образ "сокола" соотносится не только с мифом, но и с книжной идиомой "цесарьствующего ума", подобного птице.

Уподобление ума "царю", "князю", "владыке" (*ум в человеце пребывает в главном врьсе... зане царь есть телу всему и самой души, Слово Иоанна Златоуста о крепости и о разуме, где лежит в человеке*) в древнерусской литературе так же устойчиво, как и сравнение его с "летающей птицей": мысль/ум "парит", "летает", "взлетает", "прилетает", имеет "крылья" и т. п. (Адрианова-Перетц, 1971). Согласно христианским этическим нормам, ум-цесарь – главный критерий совершенства человека, это то свойство, которое возвышает человека над природно-чувственным миром, приближает его к небесам, сфере мысленных созданий Бога, становится условием созидательного служения. Ср. в *Слове* обращение к князьям Роману и Мстиславу: *Храбрая мысль носить ваю умъ на дело. Высоко плаваеши на дело въ буети, яко соколъ на ветрехъ ширяся, хотя птицю въ буйстве одолети.*

Возвращаясь к финалу *Слова*, напомним, что в цепи превращений бегущего из плена князя Игоря "босый волк" предваряет "сокола", выступающего в качестве последней метаморфозы, "сокол" – это и есть конечная цель превращений – обретение князем своего должного величия. В пространстве половецкой степи он лишен настоящего статуса "сокола", о пленении князей сказано: *Уже соколома крыльца припешали поганыхъ саблями, а самую опуташа въ путины железны.* Словарь-справочник *Слова о полку Игореве* толкует глагол *припешали* как "сделали пешими, не способными летать" (*Словарь-справочник*, 1973). Это его прямое лексическое значение, но есть и значение идиоматическое: образом "опешенной птицы" знаменуются в древнерусской литературе недостаток ума, непросвещенность, духовная немощь (ср. контексты, приведенные В. П. Адриановой-Перетц из *Изборника Святослава 1076 года: Аште хочеши врага си немоишна сътворити, то грехы си умаляи, и опешен от крылу акы птиця играем и смеху будеть тобою* (Адрианова-Перетц, 1968) и *Словарем-справочником Слова о полку Игореве* из "Пчелы": *Ум остръ, николиже слыша святыхъ книгъ – аки она припешена птица, не может борзо възлетити.*

Припешенные соколы, опутанные в путины железные, означают, на языке мифа, слабость космоизирующих сил перед лицом деструктивной хтонической стихии, на языке христианской идиоматики – плен безрассудных страстей,

недостаток разумности (ср.: о замысле князя Игоря в начале *Слова* сказано: *Спала князю умъ похоти* – "Спалила князю ум похоть"). В конечном счете, под "пленом" подразумевается уподобление языческому природному пространству и поведению, что и маркируется в *Слове* зооморфными превращениями князя. По сути дела, поход Игоря недалеко стоит от языческих обычаев, это тот же "охотничий" набег, не случайно княжеские дружинники сравниваются с "волками": *скачють, акы серьи вльци въ поле, ищучи себе чти....* По поводу воинской *чти* (чести), как ее понимали в феодальном мире, Ю. М. Лотман заметил, что она всегда имела материальное выражение, то есть, попросту говоря, зависела от награбленной добычи (Лотман, 1993). Попавшие в плен князю, *припешенные соколы* – незрелые "женихи", не способные к укрощению языческой стихии по причине подобия ей. *Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати*, – так с помощью свадебной символики аттестует поход Игоря Святослав Киевский. *Цвелити* – квелить, "заставлять плакать" в контексте свадебной обрядности (Манн, 1986: 136) означает покорение "девичьей воли" невесты (= стихии, хаоса), что не удалось сделать князьям по причине их неразумности.

Итак, зооморфные метаморфозы князя Игоря, в том числе и *босымъ вълкомъ*, должны намекать на идентификацию князя Игоря половцам (пересел *въ седло кощиево*). В то же время, сохранившаяся в диалектах семантика *босого* как "облинявшего" позволяет увидеть в метаморфозах князя актуализацию мифа инициационного, в контексте которого важное значение имеет именно "весенняя линька", маркирующая, как любое другое "переодевание", "смена кожи" и т. п., акт обновления, перехода, смену сущности. Иными словами, последовательность метаморфоз от "босого волка" к "соколу" – это подобие инициации "новое рождение", переход от "кощия" снова к статусу "князя". "Князь" и "кощия" (пленник) – два полюса социальной иерархии, высший и низший. Но "князь" в культуре домонгольской Руси – не только высший социальный ранг, но и новый тип "культурного героя" истории, цивилизатора-просветителя, он призван быть еще и духовным авторитетом – гарантом христианского миропорядка. В конечном счете, финальное в *Слове* возвращение *припешенному соколу* умения *летать* – это выражение авторской надежды на действенность княжеского христианского разума. Подлинный "князь" – это ум. Отсюда понятно, почему в процессе возрождения пленника-"кощия" в цепи его последовательных превращений "облинявший волк" сменяется набравшим силу "соколом", избивающим "гусей и лебедей". Заметим, что половец Овлур так и остается в границах "волчьей" метаморфозы: *Коли Игорьъ соколомъ полете, тогда Вдуръ вълкомъ потече*.

Поздний смысловый итог фразеологизма *босым волком* – понятие быстроты бега – делает акцент на семантику следствия (быстрый бег – следствие весенней линьки), в мифологическом первоначале этого выражения можно предполагать большую смысловую важность причины (весенняя линька – это инициационное обновление, новое рождение, возобновление сил, в том числе и быстроты бега – главного свойства воина-волка). В контексте *Слова* оба смысла фразеологизма – исходно-мифологический и понятийный стоят еще совсем рядом.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. П. А д р и а н о в а-П е р е т ц, 1968, *Слово о полку Игореве и памятники русской литературы XI–XIII веков*, Наука, Ленинград.
2. В. П. А д р и а н о в а-П е р е т ц, 1971, "Из истории русской метафорической стилистики" // *Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В. В. Виноградова*, Наука, Ленинград, С. 29-33.
3. А. Н. А ф а н а с ь е в, 1865, *Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х томах*, Москва. – Репринтное издание, Т. 1, 1994, Индрик, Москва.
4. Г е р о д о т, 1972, *История в девяти книгах*, Наука, Ленинград.
5. В. А. Г о р д л е в с к и й, 1947, "Что такое *босый волк*? (К толкованию *Слова о полку Игореве*)" // *ИОЛЯ*, Т. 6, Вып. 4, С. 317-337.
6. В. В. И в а н о в, 1987, "Волк" // *Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах*, Т.1, Москва, С. 242.
7. В. А. К о з ы р е в, 1976, "Словарный состав *Слова о полку Игореве* и лексика современных русских народных говоров" // *ТОДРЛ*, Т. XXXI, Ленинград, С. 95.
8. Д. С. Л и х а ч е в, 1985, '*Слово о полку Игореве*' и культура его времени, Ленинград.
9. Ю. М. Л о т м а н, 1993, "Об оппозиции 'честь' - 'слава' в светских текстах Киевского периода" // *Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х томах*, Т. 3, Александра, Таллинн, С. 113.
10. Р. М а н н, 1986, "Заметки к тексту *Слова о полку Игореве*" // *Исследования Слова о полку Игореве*, Ленинград, С. 129-137.
11. К. Г. М е н г е с, 1979, *Восточные элементы в 'Слове о полку Игореве'*, Наука, Ленинград.
12. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. – М.: Минпрос РСФСР, 1958. С. 484-486.
13. *Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). XI – начало XII века*, 1978, Художественная литература, Москва, С. 98, С. 168-169, С. 262.
14. *Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). XII век*, 1980, Художественная литература, Москва, С. 372-387.
15. *Словарь-справочник 'Слова о полку Игореве'*, 1973, сост. В. Л. Виноградова, Москва, С. 206.

LES SOURCES MYTHOLOGIQUES DE L'UNITÉ PHRASÉOLOGIQUE

БОСЫМЬ ВЛЪКОМЪ DANS LE DIT DE LA BATAILLE D'IGOR

RESUMÉ

L'auteur de cette contribution suit les traditions d'une école scientifique dont les recherches sur la poétique historique sont celles de Věssělovski A.N., Frank-Kamenetski I.G., Freidenberg O.M. La base méthodologique de ces recherches est une idée que le langage de la poésie est une unité dialectique de la liberté du contenu et de la nécessité de la forme, autrement dit, il représente une modification sémantique toujours continue au point de vue historique, du système des images mythologiques. La poésie fait la traduction du langage littéral du mythe au plan métaphorique, or, une métaphore primaire nouveau-née garde encore distinctement un lien avec ses origines mythologiques. L'objet de cet article sert à mettre en relief une unité phraséologique dialectale, fixée au XXe siècle, telle que "bos'im volkom" (comme le loup mué, pelé) qui exprime la notion "de la vitesse de la course" qui sous-entend le sens initial de "rénovation", de "naissance nouvelle" au stade du mythe. La Geste du Prince Igor' est une épopée russe du XIIe siècle qui marque le début, la genèse même du langage poétique; ce texte manifeste un état limité de la parole entre une image littérale du mythe et une métaphore poétique, c'est ce qui permet de reconstruire le sens primordial de l'unité phraséologique. La fuite finale du prince Igor' qui s'évade, est décrite en langue du mythe comme une série des métamorphoses zoomorphes, où, dans ce rang, "bos'im volkom" précède directement la transformation du prince en "faucon", l'image du "faucon" est liée à la notion de l'esprit dans l'ancienne littérature russe. On peut voir le passage du "loup mué" au "faucon" en raccourci de l'initiation comme une certaine régénération du prince selon sa vocation du civilisateur, de l'autorité intellectuelle de la culture.

LES MOTS-CLEFS: *culte de totem, métamorphoses zoomorphes, loups guerriers, esprit faucon, prince héros culturel d'histoire, initiation, régénération du prisonnier.*